

С. А. Кибальник

К вопросу об источниках пушкинского стихотворения „Отрок“

Пушкин и Шиллер

В этой небольшой заметке речь пойдет о Пушкине как об антологическом поэте, авторе четырнадцати миниатюр в духе Греческой Антологии, писанных элегическим дистихом, то есть сочетанием гекзаметра с пентаметром. Такие стихотворения принято называть антологическими эпиграммами, и, между прочим, одним из предшественников Пушкина в этом жанре в европейской поэзии был И. Х. Ф. Шиллер. Как известно, Шиллеру принадлежит целый ряд стихотворных пьес, выполненных в форме и манере античной эпиграмматической поэзии, и даже несколько отдельных циклов антологических эпиграмм. О том, насколько значительное место занимал этот жанр в творчестве немецкого поэта, может свидетельствовать, например, тот факт, что у него мы находим даже выраженные в поэтической форме размышления об элегическом дистихе — размере, который употреблялся исключительно в античных элегиях и антологических эпиграммах. В короткой миниатюре „Das Distichon“ („Дистих“) из цикла „Kleinigkeiten“ („Мелочи“ — 1796), которая в свою очередь также принадлежит к жанру антологической эпиграммы, он так изобразил этот размер:

Im Hexameter steigt des Springquells flüssige Säule;
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab.¹
(Струи фонтана встают в гекзаметре стройной колонной,
И в пентаметре вновь мерным напевом падут).²

Пушкин как автор антологических эпиграмм опирался, однако, главным образом, не на немецкую, а на французскую и отечественную антологическую традицию — прежде всего на традицию А. Шенье, а также таких русских антологических поэтов, как А. Х. Востоков, А. А. Дельвиг, К. Н. Батюшков и др.³ Тем не менее, одна из антологических эпиграмм Пушкина обнаруживает существенные переклички со стихотворением Шиллера „Der spielende Knabe“ (1795), относящимся к тому же жанру. Мы имеем в виду стихотворение Пушкина „Отрок“, созданное в Болдине 10 октября 1830 года и опубликованное впервые вместе с тремя другими пьесами: „Труд“, „Рифма“ и „Царскосельская статуя“ — под общим заглавием „Антологические эпиграммы“ в „Северных Цветах на 1832 год“:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.⁴

¹ Friedrich Schillers sämtliche Werke. Wien, 1816, Bd. 10, с. 341.

² И. Х. Ф. Шиллер, Собр. соч. в 8 томах. М.—Л., 1937, т. 1, с. 111.

³ Подробнее об этом см. С. А. Кибальник, 1. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века (Автореф. канд. диссерт.). Л., 1983, 22 с.; 2. Антологические эпиграммы Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986, с. 13.

⁴ Пушкин. Полн. собр. соч., т. 3. Стихотворения 1826—1836. Сказки. (Академия наук СССР) М., 1948, с. 241.

Ср. у Шиллера:

Spiele, Kind, in der Mutter Schooß! Auf der heiligen Insel
 Findet der trübe Gram, findet die Sorge dich nicht;
 Liebend halten die Arme der Mutter dich über dem Abgrund,
 Und in das fluthende Grab lächelst du schuldlos hinab.
 Spiele, liebliche Unschuld! Noch ist Arkadien um dich,
 Und die freie Natur folgt nur dem fröhlichen Trieb;
 Noch erschafft sich die üppige Kraft erdichtete Schranken,
 Und dem willigen Muth fehlt noch die Pflicht und der Zweck.
 Spiele! Bald wird die Arbeit kommen, die hag're, die ernste,
 Und der gebiethenden Pflicht mangeln die Lust und der Muth.⁵

(Мальчик, играй на коленях у матери. — Остров священный:
 Здесь не отыщет тебя, верь, ни забота, ни скорбь.
 Держат любовно тебя материнские руки над бездной,
 Ты и в могильный провал с милой улыбкой глядишь.
 Прелесть невинная, тешься! Еще ты в Аркадии милой,
 К радостям только влечет вольной природы порыв;
 Грани цветению сил лишь только в воображенье,
 Воле еще незнаком долг, и смысл, и цель.
 Тешься, ведь скоро придет работа — суровое дело,
 Больше потребует долг, чем захочется дать).⁶

Эпиграмма Шиллера построена на противопоставлении идиллической картины младости неизбежной зрелости с ее житейскими обязанностями. Пушкинское решение темы противопоставлено ее трактовке Шиллером. Если Шиллер высказывает от имени лирического героя своего стихотворения сожаление об уходящей Аркадии детства, то у Пушкина речь идет о смене одного, обыденного предназначения на предназначение гораздо более высокое. Стихотворение „Отрок“, таким образом, включает в себе переосмысление мотива идеализации младенческого возраста в жизни человека. Мотив этот вообще широко представлен в поэтическом творчестве Шиллера и наиболее близким к пушкинской эпиграмме образом в „Der spielende Knabe“.

Естественно возникает вопрос о том, было ли известно Пушкину это стихотворение Шиллера и непосредственно ли к немецкому поэту восходит пушкинское переосмысление. Здесь следует отметить, что Пушкин имел довольно слабые познания в немецком языке, который, однако, входил в программу лицейского обучения. В библиотеке поэта — впрочем, собранной им уже в поздние годы — ни в подлиннике, ни в переводах отдельного издания Шиллера мы не находим ни одного. Тем не менее исключать возможность прямого отталкивания от Шиллера не следует. Хорошо известно, что драматургию Шиллера Пушкин перечитывал в процессе работы над „Борисом Годуновым“⁷. Однако, как свидетельствует переписка поэта,

⁵ Friedrich Schillers sämtliche Werke, Bd. 10, с. 264.

⁶ И. Х. Ф. Шиллер, Собр. соч. в 8 томах, т. 1, с. 127.

⁷ См.: Н. П. Верховский, Западноевропейская историческая драма и „Борис Годунов“ Пушкина. — В кн.: Западный сборник. I. М.—Л., 1937, с. 187—226; R. J. Danilevskij, Schiller und Puschkin. — В кн.: Schiller und die Folgen. Wiss. Tagung am 9. November 1976

в это же время по его просьбе П. А. Плетнев присылал ему и стихотворения Шиллера. „Вот тебе, радость моя, и книги. Письма de Junius заплатил я 15 руб., Театр de Schiller 40 р., да его мелкие стихотворения особо 8 руб. Итак нынешняя посылка собственно для тебя стоит 63 рубля“⁸, — писал он Пушкину 21 января 1826 года. До настоящего времени считалось, что последняя книга — „мелкие стихотворения“ Шиллера (возможно, в оригинале)⁹ отозвалась только в так называемом описании элегии Ленского в шестой главе „Евгения Онегина“¹⁰. Теперь необходимо поставить вопрос и о возможности знакомства Пушкина на том этапе с антологической поэзией Шиллера.

Все же более вероятным по причине слабого знакомства Пушкина с немецким языком, представлялось бы знакомство Пушкина с „Der spielende Knabe“ в каком-нибудь из русских переводов. Именно не столько к известной элегии Шиллера „Das Ideal“, сколько к русским подражаниям ей М. В. Милонова и В. А. Жуковского справедливо возводится и описание элегии Ленского в шестой главе „Евгения Онегина“¹¹. Стихотворения Шиллера вообще весьма активно переводились в России в первую четверть XIX века¹². Известны также и переводы его антологических эпиграмм, из которых наиболее известен перевод А. Х. Востокова под заглавием „Изящнейшие феномены“ антологической эпиграммы Шиллера „Die schönste Erscheinung“¹³. И тем не менее, нам неизвестен такой перевод „Der spielende Knabe“, который мог бы оказаться в сфере внимания Пушкина. Поэтому следует предположить, что этот шиллеровский мотив он воспринял через посредство каких-то оригинальных русских подражаний Шиллеру.

Если Пушкин в целом не слишком много опирался в своей лирике на немецкую поэзию, то совсем иначе дело обстоит с творчеством А. А. Дельвига и В. К. Кюхельбекера. Для них до определенного времени и особенно в лицейские годы Шиллер был настоящим кумиром. Сам Пушкин вспоминал о Дельвиге в период их совместного обучения в Лицее: „Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием“ [то есть с В. К. Кюхельбекером — С. К.]¹⁴. И здесь мы подходим к вероятному решению вопроса о посредниках между „Отроком“ и „Der spielende Knabe“.

Мотив противопоставления „младенческого сладостного возраста“ тревожениям зрелости мы встречаем в творчестве Кюхельбекера, прекрасно знавшего немецкий язык, немало переведившего Шиллера и подражавшего ему. Наиболее ярко он представлен в стихотворении Кюхельбекера, выполненном также в жанре антоло-

in Weimar. Zentraler Arbeitskreis Friedrich Schiller im Kulturbund der DDR, Weimar, 1978, с. 33—40.

⁸ Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. Переписка 1815—1827, М., 1937, с. 255.

⁹ Скорее всего Плетнев посылал Пушкину французский перевод Шиллера, но не исключено, что это было немецкое издание, например: Friedrich Schillers sämmtliche Werke, Wien, 1816, в котором первые восемь томов включали Theater, а 9 и 10 Gedichte.

¹⁰ См. об этом: З. Розова, Пушкин и „Идеалы“ Шиллера. — „Slavia“, гођн. XIV, с. 376—404.

¹¹ Там же, с. 378.

¹² См.: Р. Ю. Данилевский, Шиллер и становление русского романтизма. — В кн.: Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972, с. 3—95. Здесь же приведена обширная библиография работ на эту тему.

¹³ А. Х. Востоков, Стихотворения (Библиотека поэта). Л., 1935, с. 234.

¹⁴ Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11. Критика и публицистика 1819—1834, М., 1949, с. 273.

гической эпиграммы, „Возраст счастья“ (1820), первая часть которого представляет собой, по-видимому, прямое подражание „Der spielende Knabe“ Шиллера:

Краток, но мирен и тих младенческий, сладостный возраст!
 Но — ах, не знает цены дням безмятежным дитя.
 Юноша в буре страстей, а муж, сражаясь с буйством,
 По невозвратном грустят в тяжкой и тщетной тоске.

Эту элегическую ламентацию по безмятежной младости в „Возрасте счастья“ сменяет оригинальный образ странника, попадающего из гостеприимного жилища под грозовой дождь. Именно с таким странником Кюхельбекер сравнивает взрослого человека, попадающего из детства в возраст суровых испытаний:

Так из объятий друзей вырывается странник; но вскоре
 Вздрогнет, настижен грозой, взглянет в унылую даль:
 Ищет — бедный! — любви, напрасно хижины ищет;
 Он одинок — и дождь хлещет навстречу ему,
 Ветер свистит, гремят и рокочут сердитые громы,
 И, осветя темноту, молния тучи сечет.¹⁵

Совершенно ясно, что Кюхельбекер в этом стихотворении подражал „Der spielende Knabe“ Шиллера, пытаясь создать оригинальное произведение на шиллеровский мотив в пределах того же жанра. Очень вероятно, что „Возраст счастья“ был хорошо известен Пушкину. Во-первых, стихотворение опубликовано в издании, которое было в сфере внимания Пушкина. Написано оно было в Петербурге в 1820 году еще до ссылки Пушкина, то есть относится ко времени личного общения Пушкина с Кюхельбекером. 22 марта 1820 года оно читалось в Вольном обществе любителей российской словесности, с членами которого: Ф. Н. Глинкой, А. А. Дельвигом и многими другими — Пушкин в это время был связан прочными связями. Во-вторых, традиция оригинальной антологической эпиграммы к 1830 году, когда Пушкин создал своего „Отрока“, была еще очень короткой и, в сущности, представлена была только в творчестве А. Х. Востокова, В. К. Кюхельбекера и А. А. Дельвига. Поэтому Пушкин, обратившись к этому жанру, очень широко опирался на отечественную традицию антологической эпиграммы и хорошо ее знал. В-третьих, пушкинские „Антологические эпиграммы“ 1830 года внутренне связаны с воспоминаниями о Лицее („Царскосельская статуя“), с антологическими эпиграммами Дельвига¹⁶, и антологическая эпиграмма Кюхельбекера, ближайшего лицейского друга Дельвига и самого Пушкина, могла придти ему на память в данном случае вполне естественно. И, наконец, сходство „Отрока“ с „Возрастом счастья“ говорит само за себя.

Все вышесказанное позволяет нам с большей долей вероятности предполагать,

¹⁵ В. К. Кюхельбекер, Избранные произведения в 2 томах. М.—Л., 1967, т. 1, с. 125. Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения, 1820, № 3, с. 114 — с подписью: „В. Кюхельбекер“. Этот же мотив развит и в другом стихотворении того же времени „Гроб младенца“ (Благонамеренный, 1820, № 14, с. 114).

¹⁶ См. об этом: С. А. Кибальник, Антологические эпиграммы Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986, т. 13.

что, наряду с другими источниками¹⁷, в стихотворении „Отрок“ Пушкин переосмыслил мотив, воспринятый им через посредство Кюхельбекера и в конечном счете восходящий к Шиллеру. Разумеется, нельзя игнорировать и существенных различий между этими тремя стихотворениями, в каждом из которых примерно одна и та же тема поворачивается разными аспектами. Важно и то, что пушкинский „Отрок“ по своему пафосу противоположен в решении одной и той же темы как по отношению к „Возрасту счастья“, так и по отношению к „Der spielende Knabe“. Но это и естественно, так как внутренние принципы „поэзии действительности“, к которой Пушкин пришел в конце 1820-х годов, во многом противоположны как „веймарскому классицизму“ Шиллера, так и элегическому романтизму Кюхельбекера. В этом смысле полемическое отношение к Шиллеру имеет в известной мере аналогичный характер с использованием его элегии „Das Ideal“ в шестой главе „Онегина“ в целях иронического воссоздания образа поэта-элегика¹⁸. Но для нас здесь важнее другое, а именно то, что высказанное конкретное наблюдение о связи между русским и немецким поэтом с несомненностью свидетельствует об очень богатом и насыщенном культурном подтексте самых мелких пушкинских творений — в частности, о том, что в пушкинской миниатюре „Отрок“ нашла свое переосмысление целая обширная традиция европейской поэзии. Все это лишний раз показывает наличие у Пушкина европейского сознания, органичного для него ощущения сопричастности национальной русской поэзии к поэзии европейской.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Э. Розова, Пушкин и „Идеалы“ Шиллера, с. 376—404.